

Фирсов Денис Евгеньевич

ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В РОМАНЕ В. В. НАБОКОВА "ПНИН"

В статье анализируется раскрытие проблемы эволюции и преемственности духовно-нравственного опыта в романе В. В. Набокова "Пнин" в контексте вопросов взаимодействия российской и западной интеллектуальной культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-1/50.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. I. С. 203-206. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 130.2

В статье анализируется раскрытие проблемы эволюции и преемственности духовно-нравственного опыта в романе В. В. Набокова «Пнин» в контексте вопросов взаимодействия российской и западной интеллектуальной культуры.

Ключевые слова и фразы: интеллектуалы; интеллигенция; духовное самоопределение; художественное переосмысление; мифологизированный опыт.

Денис Евгеньевич Фирсов, к. филос. н., доцент
Кафедра истории и философии
Ярославская государственная медицинская академия
den_firsov@rambler.ru

ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В РОМАНЕ В. В. НАБОКОВА «ПНИН»[©]

Проблема развития и преемственности духовных ценностей стала одним из наиболее актуальных вопросов насыщенного культурными «кризисами» XX столетия как на Западе, так и в России. В практическом аспекте выбора путей самоопределения этот вопрос стал общей темой интеллектуальной культуры, литературы, кинематографа.

Отражена эта проблема и в романе В. В. Набокова «Пнин» («Pnin», 1957 г.) [1, с. 167-320]. Герой книги, профессор Тимофей Павлович Пнин, «из почтенной и вполне состоятельной Санкт-Петербургской семьи» [Там же, с. 181], как и автор романа, оказывается «в самой круговерти двадцатого века» [7, с. 210]. Его биография типична для русских эмигрантов «первой волны», в чьих судьбах затейливо переплелись рафинированная в воспоминаниях дореволюционная юность, драма Гражданской войны («Пять месяцев находился в Белой армии, сперва в качестве “полевого телефониста”, потом в военной разведке») и бегства в 1919 г. из Крыма через Константинополь в Европу [1, с. 190]. К этому в истории Пнина добавлены трагикомичные обстоятельства преподавательской карьеры на американской университетской периферии. Сам образ Пнина соответствует той пристрастно сохраняемой им культурной парадигме, примеры которой он старательно пытается транслировать англоязычной студенческой аудитории посредством лингвистических изысков, позаимствованных им для этого случая «в какой-нибудь старой наивной комедии из купеческой жизни» «или в столь же древнем, но ещё более устаревшем образчике банального... зубоскальства» [Там же, с. 173].

Пнин принадлежит к той части русскоязычных изгнанников, для которой жизнь в привычных условиях дореволюционной России продолжалась в кругу «непринужденных сборищ, где старомодные террористы, героические монахины, талантливые гедонисты, либералы, безрассудные молодые поэты, престарелые романисты и художники, публикаторы и публицисты, вольнодумные философы и ученые составляли нечто вроде особого рыцарства, активное и влиятельно ядро эмигрантского сообщества, на протяжении доброго тридцатилетия своего процветания остававшегося практически неизвестным американским интеллектуалам» [Там же, с. 314].

Утратившие в условиях вынужденного изгнания привычную историческую и культурную почву, представители русской интеллигентской среды лишились и своей социальной функции противостояния власти [2, с. 25; 3, с. 86; 4, с. 109]. По образу жизни и стилю мышления эти русские интеллектуалы, к кругу которых принадлежал и сам Владимир Набоков, смыкаются с западной интеллектуальной богемой [7, с. 213], отграничиваясь от «разорившихся реакционеров, перебившихся или переодетых чекистов, титулованных дам, профессиональных священников, кабатчиков и объединённых в свои группы белогвардейцев - ни вместе, ни по отдельности не представлявших никакой культурной ценности» [1, с. 314-315]. В романе эта часть эмиграции представлена четой Комаровых, периодически устраивавших для уэйнделлского университетского общества «“русски” вечеринки с... игрой на гитаре и в большей или меньшей степени псевдонародными песнями», на которых «учили ритуалу водочного питья и прочим затхлым руссианизмам». Воплощавшая «сплав реакционности и советофильства» эта - в представлениях американской профессуры - «идеальная пара» способна была соединять в понятии «идеальная Россия» «Красную армию, помазанника-монарха, колхозы, антропософию, русскую церковь и плотину гидроэлектростанции» [Там же, с. 222].

С началом американской эмиграции Пнина мир привычных и определяющих его самосознание ценностей, аккумулированных в воспоминаниях об утраченном прошлом, сужается для него до объёма собственной памяти, в которой «историческое» переплетается с обыденным, приобретающим за счёт мифологизации смысл обобщений. Для американских коллег Пнин представляет собой «истинную энциклопедию русских кивков и пожиманий плечами, и помаваний» - в «археологическом», а посредством этого и в символическом смысле [Там же, с. 197]. Его стремление систематизировать «арсенал культурной идентичности» выражается в идее написания «*Petite Histoire* русской культуры, в которой отбор русских обычаев, редкостей, литературных анекдотов... отражал бы в миниатюре *La Grande Histoire* - Великую Взаимосвязь Событий» [Там же].

Обособленность Пнина усилена его своеобразной языковой практикой и эмоциональной отчуждённостью от окружения («Я слышу всякий, всякий звук снизу, но сейчас это не есть место, чтобы обсудить, я думаю»; «Я не понимаю американского юмора даже тогда, когда я в хорошем настроении») [Там же, с. 175, 193, 213]. Подобно изолированному в физическом пространстве Робинзону, самоизолировавшийся в культурной среде Пнин пытается создать некоторое подобие «музея утраченной цивилизации», собрание эталонов интеллекта и нравственности, эстетических и этических обобщений, а также связанных с ними эмоций, чувств, духовных переживаний. При этом Пнин неизбежно становится единственным и бессменным хранителем бережно собираемых ценностей, превращаясь в уединённого обитателя этого инкапсулированного мира.

С развитием сюжета романа усиливается ощущение хрупкости воссоздаваемой и берегаемой Пниным реальности. Её целостный образ постепенно размывается в обыденном уэйнделлском укладе - как узнаваемый вещественный ландшафт деформируется в отражении никелированного бампера американского автомобиля, превращаясь в мираж, имеющий художественное, но не топографическое содержание [Там же, с. 243]. Историко-культурный замысел Пнина, «великий труд... о матушке-России, удивительная, сказочная смесь» [Там же, с. 195], оседает в карточках выписок из каталога библиотеки Уэйнделлского университета.

Эпическая реальность, составляющая нравственную основу самоопределения русскоязычных ровесников Пнина, не вызывает интереса со стороны подрастающего молодого поколения российской эмиграции - «здоровых, высоких, ленивых, избалованных американских детей, не имевших ни чувства природы, ни знания русского языка, ни какого-либо интереса к подробностям происхождения или прошлого своих родителей» [Там же, с. 260].

К этой генерации условно можно отнести и четырнадцатилетнего Виктора Финта. Родители Виктора - «психотерапевты» Эрик и Лиза Финт (бывшая жена Пнина). По их определению, характерному для насыщенной герметическими аллюзиями юнгианской психологии, Тимофей Павлович, бескорыстно готовый когда-то, при переезде через океан из Европы в Америку, принять на себя отцовскую заботу о ребёнке, является «водным отцом» мальчика [Там же, с. 202, 209].

Пнин спонтанно оказывается в ситуации заботы о Викторе - сначала дистанционно, корреспондируя почтовые открытки «из общеобразовательной серии», а затем принимая его в Уэйнделле. Несхожесть Виктора с тем образом американизированного подростка, с которым Пнин, безусловно, его отождествил, вызывает «выражение отчаяния... на его большом, выразительном лице» [Там же, с. 251]. Пнин, «с состраданием, с симпатией, с болью сердечной» видящий в Викторе отражение собственного прошлого, инстинктивно погружается в поток рафинированных памятью образов [Там же, с. 253]. В этой ситуации раскрывается диссонанс связанных «спиритуальным» родством инкапсулированного пнининского мира и открытого к полифоничному будущему Виктора.

Индивидуальность Виктора Финта, его характер, эстетические предпочтения, духовные ориентиры формируются в «разорванном» пространстве, возникшем на размытой границе периферии исторически законсервированной культурной модели, бережно сохраняемой эмигрантской средой, к которой относится и Пнин, и новой, послевоенной реальности западного мира, стремящегося к интеграции в рамках развивающейся системы интенсивно востребованных буржуазных ценностей, связываемых в массовом сознании с понятием «стабильности». Культурный опыт Виктора в равной мере обусловлен мифологизированными реалиями утратившего географическую и хронологическую целостность, принудительно диффундированного пространства русских духовных традиций, знакомых ему через «отголоски каких-то давнишних семейных разговоров о бегстве русских интеллектуалов от ленинского режима тридцать пять лет тому назад», и влиянием западного модернизма и авангардизма первой половины XX столетия [Там же, с. 234].

Среди «питающих фантазии» Виктора «провокативов» сочетаются «сценическая версия “Очного цвета”, поставленная недавно в расположенной по соседству женской школе Св. Марты; анонимный рассказ в кафкианском духе...» и «снятый в Берлине на потребу американцам итальянский фильм, в котором некий синтетический агент преследует юношу с безумным взором и в помятых шортах где-то в дебрях трущоб, развалин» [Там же]. В последней характеристике угадывается картина Р. Росселини «Германия. Год нулевой» (1947 г.). Герой фильма, переживший войну подросток Эмунд Келер, сталкивается с ситуацией искажения девальвированных довоенных ценностей, приобретающих мифологическое содержание, противопоставляемое объективному руинированию и распаду как физической, так и психологической, нравственной реальности. Деформирующие детскую психику Эдмунда испытания голодом, страхом, болезнью и страданиями умирающего отца, просящего об эвтаназии, в итоге приводят его к суициду [6, с. 144]. Как и в фильме А. Вайды «Пепел и алмаз» (1958 г.), герой которого, выросший в жёстких условиях войны Мачек, пытается найти своё место в послевоенном мире, ориентируясь на опыт вооружённого противодействия очевидному врагу, становясь в итоге жертвой инерции противостояния идеологий и систем, в картине «Германия. Год нулевой» демонстрируется драматичность попыток преодоления проблем переходного периода в условиях девальвации мифологизированного опыта [Там же, с. 145].

В своей динамике духовный онтогенез Виктора корреспондирует «филогении» европейских интеллектуалов. Европейский интеллектуализм, возникший в период перехода от позднеантичного мира к реалиям социокультурного пространства Европы, сформировался в духовной лакуне между традиционализмом мифа, релятивностью философии и трудноосваиваемым модернизмом христианского религиозного сознания.

Основной задачей интеллектуалов той эпохи была выработка новой модели духовного самоопределения, способной стать альтернативой античной духовной традиции.

Виктор олицетворяет альтернативу мифологизированному, замкнутому в собственном фантоме прошлому. Талантливый и развитый, «при умственном коэффициенте, равном ста восьмидесяти, и среднем - равном девяносто», он воспринимает реальность через её отражение в «магическом выпуклом зеркале» художественного переосмысления, противостоящего обыденности [1, с. 241, 243]. В этом зеркальном преломлении школа Святого Варфоломея в Крентоне, Массачусетс, где учится и живёт Виктор, превращается в метафорическое пространство духовного выбора.

«Бесцветный» Сейнт-Вафф и его директор, преподобный Хоппер, «темноволосое, румяное и любезное ничтожество, вызывавшее, однако, восхищение у бостонских матрон» [Там же, с. 241, 247], любитель иезуитских педагогических методов, выражают идею рутинного, обыденного существования в системе мифологизированных ценностей. Противоположность Хопперу составляет учитель рисования Лейк. Под влиянием этого «невероятно тучного человека с косматыми бровями» и «угрюмым нравом гения» [Там же, с. 241, 242] раскрываются художественный и поэтический таланты Виктора.

В Викторе, увлечённом прозрениями мастеров европейского Возрождения, пробуждается «интуитивный» образ, восходящий к гуманистическому идеалу ренессансного человека [Там же, с. 243-244]. Ренессансное погружение в культурный дискурс, синтезирующий различные формы духовного творчества, было одной из исторических основ свободного выбора, индивидуального самоопределения европейских интеллектуалов [6, с. 86].

В символическом значении образ Виктора коррелирует с героем романа М. Турнье «Лесной царь» (1970 г.) - Авелем Тиффожем. Роман Турнье стал своеобразным манифестом «культуртрегерской» модели самоидентификации интеллектуалов в ситуации крушения привычных ценностей [Там же, с. 136]. Для Тиффожа «стартовым» метафорическим пространством самоопределения становится школа Святого Христофора в Бовэ - аллегория мифологизированной реальности. Силеновский тип Лейка в сюжете «Лесного царя» находит воплощение в покровительствующем Тиффожу Несторе. С его помощью Авель обнаруживает «критические точки унылой повседневности» [5, с. 73]. «Замкнутое игровое пространство» школьного двора получает в объяснениях Нестора значение кода для расшифровки знаков, выраженных в детских играх [6, с. 124-125]. Странясь общих детских забав, и Виктор Финт, и Авель Тиффожа стараются «не замарать свою короткую жизнь обыденностью» [5, с. 13].

Сближает сюжетные и интертекстуальные проекции «Пнина» и «Лесного царя» и то, что физический облик Пнина также обнаруживается в романе Турнье в «зеркальном» по форме, но противоположном по содержанию, инвертированном «отражении» повзрослевшего Тиффожа. Если Пнин «был вовсе не так крепок, как можно было подумать, глядя на его могучую вздутую грудь» [1, с. 179], то Тиффожа - «по фигуре... вылитый грузчик... Или даже выючная лошадь. Этакий здоровенный тяжеловоз» - по его собственному признанию, выглядит «так, словно и собственный вес мне снести не под силу, на самом же деле мне ничего не стоит оторвать от земли, хоть за капот, хоть за багажник, какой-нибудь “розенгард” или “симку-В”» [5, с. 85].

Появление Виктора в Уэйделле становится предвестием завершения почти безмятежного, полного надежд периода жизни Пнина. Осознание нравственных и интеллектуальных качеств Виктора, лишённого присущих Пнину обременяющих комплексов прошлого, вызывает у него когнитивный диссонанс. Одновременно разрушаются попытки «пнинизации» пространства Уэйделльского микромира [1, с. 220]. Последним «бастлионом», хранящим пнинский метафразис мифологизированного опыта, становится дом («на Годдрод, на углу Скалистого проспекта») - символизирующий для Пнина завершение его тридцатипятилетних скитаний, давший ему «совершенно чудесное ощущение» тишины и покоя [Там же, с. 281]. Вместе с этой девальвированной обыденными обстоятельствами мечтой исчезает из Уэйделла и Пнин.

Обращаясь в «Пнине» к теме самоидентификации русскоязычной эмиграции, Набоков акцентирует парадокс духовной автономизации - замыкаясь в собственном содержании, культурная парадигма становится нежизнеспособной. Через образ Виктора в романе отражён процесс появления новой генерации интеллектуалов, не связанных, безусловно, в выборе целей и задач самоопределения догматизированным и мифологизированным опытом, посредством которого поколение Пнина пытается компенсировать рутинное однообразие обыденности, девальвирующей и подавляющей творчество и свободу.

Через два года после публикации «Пнина» в автобиографическом фильме Ф. Трюффо «Четыреста ударов» (1959 г.) заявит о себе новый герой, отчётливо манифестирующий духовные потребности формирующегося интеллектуального поколения, стремящегося к преодолению инерции ретроспективных общественных ценностей. Герой Трюффо, тринадцатилетний Антуан Дуанель, в отличие от персонажей картин Росселини и Вайды, окажется способен к творческому переосмыслению нового социального и нравственного опыта, не вступающего в конфликт с парадигмальными установками деструктивного прошлого.

В романе В. В. Набокова «Пнин», таким образом, отражена проблема генезиса и эволюции интеллектуальных генераций, связанных общим культурным опытом, но в разной степени способных переосмыслить его в процессе духовного самоопределения. Стремясь к свободе, аутентичности, Пнин замыкается в пространстве остановившихся в развитии символов этой свободы. Виктор также постигает свободу через символические, художественные образы реальности, но, не разрывая связь с традицией, раскрывает их в перспективе новых смыслов, духовного развития.

Эта тема романа интегрирована в контекст более общего круга вопросов, связанных с диффундированием духовных ценностей русской эмиграции в западной культуре. Усиливают это смысловое значение «Пнина» интертекстуальные связи с текстами М. Турнье. В данном аспекте «Пнин» и творчество В. В. Набокова в целом являются ключевым звеном, обозначающим связь двух историко-культурных проблем - процесса генезиса европейского интеллектуализма и самоидентификации русской духовной традиции.

Список литературы

1. **Набоков В. В.** Романы. М.: Художественная литература, 1991. 432 с.
2. **О нравственности, патриотизме, культуре и бескультуре: актуальный разговор на вечные темы:** материалы «круглого стола» в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов // Вопросы философии. 2009. № 11. С. 3-26.
3. **Плимак Е. Г., Сабурова Т. А.** «Русская идея» Николая Бердяева как наследие русской интеллигенции // Там же. 2006. № 9. С. 84-101.
4. **Савельев А. В.** Политическое своеобразие диссидентского движения в СССР 1950-х - 1970-х годов // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 109-121.
5. **Турнье М.** Лесной царь. СПб.: Амфора, 2005. 464 с.
6. **Фирсов Д. Е.** Становление и проблемы самоопределения европейского интеллектуализма. Ярославль: Аверс Плюс, 2008. 200 с.
7. **Эмис М.** Визит к госпоже Набоковой // Иностранная литература. 2005. № 10. С. 210-214.

INTELLECTUAL CULTURE EVOLUTION PROBLEM IN V. V. NABOKOV'S NOVEL "PNIN"

Denis Evgen'evich Firsov, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of History and Philosophy
Yaroslavl' State Medical Academy
den_firsov@rambler.ru

The author analyzes the revelation of the problem of the evolution and continuity of spiritual-moral experience in V. V. Nabokov's novel "Pnin" in the context of the questions of the Russian and western intellectual cultures interaction.

Key words and phrases: intellectuals; spiritual self-determination; artistic reconsideration; mythologized experience.

УДК 113/119

Статья раскрывает содержание этических воззрений русского космизма на примере фундаментальных концепций философии Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского, Л. Н. Гумилева и их последователей. Современное осмысление нравственно-аксиологических оснований учения русских мыслителей предполагает выявление и евгенических положений учения космистов.

Ключевые слова и фразы: русский космизм; общее дело; психократия; евгеника; космическая этика; антропоцентризм; космоцентризм; трансгуманизм.

Зиля Наилевна Хабибуллина, к. филос. н., доцент
Кафедра онтологии и теории познания
Башкирский государственный университет
Habibullina_Z@mail.ru

ЭТИЧЕСКИЕ ИДЕИ РУССКОГО АНТРОПОКОСМИЗМА[®]

Все важнейшие концепции представителей русского космизма пронизаны этическим осмыслением, что предполагает выявление как нравственно-аксиологических аспектов, так и евгенических положений их учения. Например, Н. Ф. Федоров с поразительной глубиной и точностью писал о «трагизме современной бездуховной действительности» [11, с. 130], выражающемся в «небратском» отношении людей друг к другу, в разорении природы, в разобщенности людей, одержимых завистливым исканием равенства и стремящихся удовлетворять свои чувственные прихоти и капризы. Все это, по мнению Н. Ф. Федорова, приближает мир к концу, а человек своей хищнической деятельностью способствует приближению этого конца.

Вслед за Достоевским, Н. Ф. Федоров утверждает, что зло, царящее в мире, не может быть устранено никакими общественными перестройками, ибо зло лежит гораздо глубже - в самой природе, в ее бессознательности и слепоте, в самом акте рождения и связанной с ним смерти. Вот почему человек должен понять природу, чтобы преобразить хаос бытия в космос. Сама природа «в человеке сознала зло смерти, сознала свое несовершенство»